

Му Чухань: Если я не смогу вернуть человеческий облик, так и останусь женатым девственником до конца дней.

Цзянь: QАQ

#ДревнийБЭ, Сянься, Фармацевт, Мечник#

Благодарю маленьких ангелочков, которые отправляли мне билеты беззакония или орошали питательной жидкостью в период с 2020-11-26 23:59:38 по 2020-11-27 22:45:33!

Благодарю маленьких ангелочков, оросивших питательной жидкостью: Мо Янь Люшан — 10 флаконов;

Большое спасибо всем вам за вашу поддержку, я буду продолжать стараться!

Пойман с поличным

Если вспомнить, как Го Цзыань волок на плече огромную кроличью ногу, двигался он невероятно быстро.

Поначалу его разум был затуманен гастрономическими изысками, но позже он осознал всю некорректность своего поступка. В конце концов, то, что он совершил, было банальной кражей, что шло вразрез со всем полученным им в прошлом образованием.

Однако, поразмыслив чуть дольше, он решил, что перебарщивает с самобичеванием.

Для состава преступления в виде кражи необходимы определенные условия: наличие законов и института частной собственности.

Те же два странных существа наполовину зверях, наполовину людях щеголяли в первобытных шкурах, из чего следовало, что в здешних краях царил племенной строй. Племена жили по законам силы и грабежа. Тот факт, что два зверолода яростно дрались из-за одной-единственной туши, косвенно подтверждал догадки Го Цзыаня.

С другой стороны, этот огромный белый кролик валялся в лесу, будучи связанным далеко не первой свежести зеленой лианой. Очевидно, это не было домашней живностью, а значит, не являлось частной собственностью какого-то конкретного зверолода.

Раз уж этого кролика добыл на охоте один зверолод, а второй положил на добычу глаз и попытался ее отнять, то сам он оказался всего лишь богомол, подстерегающим цакаду позади иволги.

Не зря говорят: в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Раз уж он застрял в этом первобытном лесу, неужели ему было нужно, вместо того чтобы полагаться на силу, взывать к морали и законам?

Пожалуй, не успеет он договорить слово «закон», как какой-нибудь дикарь двинет бы ему кулаком по макушке и уволет в плечо в качестве раба.

Узнай Бай Шаньцзюнь о мыслях Го Цзыаня, он бы жутко рассердился.

С чего бы ему бить своего собственного истинного? Он бы просто аккуратно и споро подхватил человека на руки и унес домой, и никакие протесты и барахтанья Го Цзыаня ему бы не

помогли.

Законы леса до крайности просты: кто сильнее, тот и владеет тем, чего желает.

А раз он заметил Го Цзыаня, значит, и Го Цзыань принадлежит ему.

Что же до самок-зверолов в племени, то их оберегало общество. Даже если родители-звероловы погибали, сироты росли под присмотром старейшин племени, и между ними неизбежно возникала определенная привязанность. Если бы кто-то посмел пойти против воли самки, племя непременно вмешалось бы и пресекло это.

Подобный уровень цивилизованности самки-звероловы отвоевали шаг за шагом.

По неизвестной причине самки, которых принудили к соитию против воли, почему-то долго не жили: их тела слабели по самым разным причинам, а многие и вовсе умирали во время родов. И наоборот, звероловы, связавшие себя узами по взаимной любви, как правило, обзаводились многочисленным потомством.

Самки-звероловы были ценнейшим ресурсом племени, и после нескольких подобных инцидентов каждый уяснил: чтобы прожить долгую жизнь, в пару нужно выбирать того, кто действительно нравится. Поэтому в нынешние времена, даже если какому-нибудь зверолов-самцу взбрело в голову поступить с самкой силой, он трижды всё обдумывал и уже не вел себя столь опрометчиво, как в былые дни.

Перенесись это всё в двадцать первый век, люди бы поняли, что недуг самок называется дородовой депрессией.

Если подумать еще немного, то живи Го Цзыань в этом мире по законам и морали, он бы попросту не выжил.

В конце концов, с каждым приемом пищи он ел диких животных.

Особенно после вспышки эпидемии, когда государство издало закон о полном запрете на употребление в пищу диких зверей. Разве в этих горах хоть одно животное не было диким? Если бы он отказался их есть, разве не умер бы с голоду?

К тому же тамошние лесные обитатели отличались таким причудливым видом, что их никак нельзя было сопоставить с животными из закона об охране дикой природы.

Взять хотя бы хорьков с двумя хвостами, кончики которых источали свечение, бабочек, чьи крылья при взмахе роняли светящиеся чешуйки, или тех же большеногих кроликов размером с тибетского мастифа. Если уж пытаться отыскать истоки этих существ, оставалось лишь заглянуть в Каталог гор и морей.

Поэтому, возможно, в современном цивилизованном обществе его поступок и выглядел предосудительным. Но в этом первобытном мире подобные действия вполне допускались — пусть даже на уровне морали их и можно было осудить.

Почему вещь из этого леса, бесхозное творение природы, будучи добытой одним охотником, не могла быть украдена вторым?

Отнюдь не существовало правила, гласящего, что раз эта бесхозная вещь попала в руки кому-то одному, то она навечно принадлежит исключительно ему. Иначе разве не должны были все

люди на свете осуждать главных героев романов про бессмертных культиваторов, которые врываются в секретные тайники и отчаянно борются за ресурсы?

Разобравшись во всем, Го Цзыань со спокойной душой стянул ногу у этого гигантского белого кролика.

Нет-нет, он не украл её, а проявил стратегическую смелость.

И в самом деле, еду он добыл у двух звероловов с пугающе высокими боевыми характеристиками.

Вот только оставалось неясным: не явится ли одержавший победу над огромным кроликом зверолов следом за ним, чтобы свести счёты? Го Цзыань испытывал некоторую тревогу, но вместе с тем и предвкушение.

Ему отчаянно хотелось столкнуться со звероловами этого мира нос к носу и посмотреть, насколько они сильны.

*

На обратном пути Го Цзыань намеренно сделал крюк к тому огромному дереву личи. Правда, на сей раз Длинношейей Зеленый Динозавр ему на глаза не попался.

Сбросив кроличью ногу на землю, Го Цзыань в два счета взрабкался на дерево и сорвал десяток крупных плодов личи.

Запасы личи у палатки уже подошли к концу, поэтому Го Цзыань заранее подготовился и захватил с собой вместительный матерчатый мешок.

Затем он отправился в рощу эноки и срезал один Гигантский эноки.

Глядя на эти грибы, которые росли в изобилии, но при этом развивались донельзя медленно, Го Цзыань немного встревожился. Впрочем, всё, что он ел в последние дни, было съедобным, да и съедобных растений поблизости водилось предостаточно, так что ему не стоило так уж сильно забивать себе голову туманным будущим.

Что же до заготовки припасов на зиму, то даже если бы половина лета уже миновала, начинать суетиться перед самой осенью было еще не поздно.

Судя по всему, этот лес вовсе не походил на места, где зимой выпадает снег, — не исключено, что здесь удастся разжиться цитрусовыми или какой-нибудь другой зимней пищей.

Взвалив поклажу на плечо, Го Цзыань направился к ручью, чтобы всё вымыть. Кровь из кроличьей ноги почти стекла, но разделывая он мясо возле палатки, даже при максимальной осторожности неизбежно остались бы запах крови и мясные крошки, которые непременно привлекли бы змей, насекомых, крыс или того хуже — хищников.

Если он был способен убивать животных, то, разумеется, находились и хищники, для которых он сам мог сойти за изысканный ночной перекус.

В этом мире изначально не существовало никаких законов логики.

Го Цзыань собирался поступить так же, как накануне, и нарезать мясо на куски, но, поразмыслив, вспомнил: с тех пор как он попал сюда, его рацион состоял сплошь из похлебок

да остатков земной еды, а другие способы приготовления он еще не пробовал.

Если взглянуть на эту кроличью ногу, с обоих концов у нее торчали кости — разве она не идеально подходила для медленного запекания?

Сегодня он стал свидетелем того, как два первобытных человека подрали из-за добычи, так что вечером как раз выпал отличный случай устроить настоящий пир из первобытного жареного мяса и как следует прочувствовать каково это — быть дикарем.

Чем больше Го Цзыань размышлял об этом, тем сильнее распалялся. Сняв белоснежную кроличью шкуру, он не стал кромсать тушу на мелкие куски.

После этого он ополоснул Гигантский эноки, подложил под плечо кусок звериной шкуры и зашагал назад, пристроив ношу на плече.

У Го Цзыаня имелась подставка для жарки, но эта кроличья нога оказалась поистине гигантской — в длину она достигала полутора метров. Какая обычная решетка смогла бы выдержать такую громадину?

Поэтому Го Цзыань отыскал два подходящих камня, тщательно их вымыл, установил по обе стороны от костра, а затем водрузил кроличью ногу прямо на них.

Языки пламени лизали поверхность мяса, шкурка постепенно меняла цвет, капал сорвавшийся сок, а сухие ветки аппетитно потрескивали.

В последние дни Го Цзыань расходовал довольно много древесины, но в лесу хватало упавших сухих ветвей с крупных деревьев, и поскольку топлива требовалось лишь на одного Го Цзыаня, такие затраты выглядели вполне посильными. К тому же он ложился спать рано и за пределами времени приема пищи костер не жег, так что сушить новые ветки ему приходилось не так уж часто.

Впрочем, спустя каких-нибудь два-три месяца придется поломать голову над другими вариантами.

Из-за огромных размеров кроличьей ноги процесс запекания обещал затянуться надолго. Пока мясо доходило, Го Цзыань решил поэкспериментировать и нанизал на шампур кусочки Гигантского эноки.

К сожалению, этот огромный гриб совершенно не подходил для жарки на открытом огне: его мякоть мгновенно сморщилась. На вкус получилось вполне сносно, с легкой упругостью, но до нежной текстуры вареного гриба ему было далеко.

Го Цзыань обладал духом экспериментатора. Убедившись, что первый результат вышел не ахти, во второй раз он нарезал грибы потолще и расположил их чуть дальше от огня, позволив им прогреваться медленнее.

Поскольку ломтики на этот раз получились крупнее, при запекании их поверхность покрылась легкой золотистой корочкой, а внутри сохранилось больше сока.

Подув на кусок, Го Цзыань откусил кусочек, и вкус оказался настолько восхитительным, что в это верилось с трудом.

Снаружи кожица слегка хрустела, но внутри крылось изобилие сока, а упругая мякоть гриба

при надкусывании брызнула в рот освежающим соком, словно ешь суп-баоцзы, или лопнула на зубах жемчужиной из бабл-ти. Го Цзыань от восторга обхватил ладонями щеки, сияя от счастья.

Однако это счастливое выражение лица Го Цзыаня предстало перед глазами подошедшего Бай Шаньцзюня, и сердце зверолода тут же сжалось от острой боли.

Его истинный был вынужден радоваться какой-то поганке с высокой шляпкой — до чего же тяжелой должна быть его жизнь.

Во всем виноват он сам! Уйдя на столь долгие дни, он наивно полагал, что туша Большеного Зайца обеспечит возлюбленному безбедное существование на несколько дней, но никак не ожидал, что его пара начнет голодать и искать пропитание в лесу, да еще и отважно отобьет у него кроличью ногу.

Во взгляде Бай Шаньцзюня читалась не только жгучая боль, но и гордость.

Как же сильно ему хотелось продемонстрировать соплеменникам: этот невероятно умный омега-самец, сумевший отобрать у него добычу, принадлежал ему!

Но пока он еще не мог этого сделать. Сперва ему следовало зачать с любимым несколько маленьких зверолодов, иначе — что делать, если столь выдающегося истинного уведет кто-нибудь из других самцов?

В племени никогда не возбранялось оспаривать чужих спутников. Самки доставались лишь сильнейшим.

Правда, самки от природы питали слабость к детенышам, и стоило им обзавестись потомством, как их сердца целиком переключались на малышей, и тогда отнять их у прежнего партнера становилось уже не так-то просто.

Поэтому ради стабильности в племени и во избежание внутренних распрей между самцами существовало правило: пара уходит жить в глушь и возвращается в племя лишь тогда, когда ребенку исполняется три года.

Что же до риска того, что самку могут похитить самцы из других племен, тут всё зависело исключительно от личных навыков и силы главы семейства.

Впрочем, чтобы предотвратить подобные неприятности, самцы всегда выбирали для жизни самые скрытные и труднодоступные места.

Было и еще одно правило: самец ни в коем случае не смел причинять вред самке, выкармливающей детеныша. Равно как и сама самка с малышом не подлежала нападению. Поскольку в первые три месяца беременности живот у самок оставался незаметным, зверолоды-самцы четко усвоили, что к самкам, уже связавшим себя узами с определенным парттером, лучше не приближаться во избежание трагических случайностей.

По этой причине подобное изгнание из племени ради совместной жизни выглядело довольно эффективной мерой поддержания порядка. По сей день оно не приводило к серьезным катаклизмам.

Кроличья нога оказалась настолько массивной, что пропечь ее целиком было непросто. Пожевав пару кусочков гриба и больше не имея сил терпеть, Го Цзыань вытащил небольшой

нож и принялся срезать с поверхности ножки уже прожаренное мясо, складывая его на тарелку.

Попробовав новое блюдо, первый кусочек Го Цзыань всегда ел в первозданном виде, без специй.

Но этот чистый вкус мяса кролика превзошел все ожидания — он был настолько невероятным, что Го Цзыань просто не мог, не мог, не мог в это поверить.

Если запеченный эноки был хорош сам по себе, то мясо кролика оказалось потрясающим до умопомрачения.

В нем по-прежнему ощущался чистый вкус свежести и мяса. Корочка на поверхности приятно хрустела, но само мясо внутри оставалось нежным, как тофу — шелковистым, мягким и податливым. Хрустящее снаружи и мягкое внутри, оно напоминало лакомство, оказавшееся на стыке двух стихий. Го Цзыань едва ли мог точно описать, насколько вкусным было это мясо, но оно буквально таяло во рту, заставляя забыть обо всем на свете — казалось, вместе с ним проглотить и собственный язык.

Стоило крольчатине скользнуть в горло, как во рту тут же защекотал обильный слюноотделительный сок, зазывая отправить следом еще кусочек.

Не забывая о золотом правиле выживания — при дегустации новой пищи выждать пятнадцать минут, чтобы исключить отравление или аллергию, — на этот раз он срезал лишь самую малость поджаристой корочки.

При таком способе приготовления раскрывался совершенно новый вкусовой оттенок. Чуть золотистая, поджаристая корочка казалась суховатой, но стоило ей смешаться со слюной, как мясо мгновенно размягчалось, и его удавалось проглотить без малейших усилий.

Вспомнив это ощущение, Го Цзыань подумал: разве не точь-в-точь оно напоминало хрустящие тонкие лепестки, которые часто подают к густому кантонскому рису? Только крольчатина вышла намного вкуснее, да к тому же источала насыщенный мясной аромат.

Не сдержавшись больше ни секунды, Го Цзыань круговыми движениями срезал с ножки еще целый платок мяса, прежде чем наконец опустить нож. Про себя он подумал, что эта добыча действительно стоила того, чтобы два зверолова за нее дрались — вкус и впрямь превосходил любые ожидания.

Бай Шаньцзюнь поначалу с любопытством разглядывал маленький предмет, которым его истинный кромсал мясо, но в следующее мгновение замер от удивления, глядя на то, с каким нетерпением тот принялся за еду.

Сколько же лишений выпало на долю его пары, раз он не смог выждать даже малейшей паузы и набросился на еще толком не пропеченное мясо?

Выходит, бедняга голодал уже много дней?

Чем дольше Бай Шаньцзюнь размышлял об этом, тем сильнее укреплялся в мысли, что из него никудышный самец. Больше не прячась в тени, он взвалил на плечо тушу гигантского кролика с недостающей ногой и вышел из чащи.

Го Цзыань как раз собирался выждать заветные пятнадцать минут, как вдруг заметил, что из

зарослей кто-то медленно выплывает, являя собой внушительную фигуру. Сначала он вздрогнул, но тут же узнал знакомого безногого зайца, а рядом с ним — белокурого мужчину с очаровательными кошачьими ушами.

Их взгляды скрестились.

Кроличья нога по-прежнему шкворчала над костром, переплетение языков пламени и растопленного жира издавало чарующие звуки, а по окружности разносился густой мясной аромат.

Го Цзыань:.....

Считается ли то, что он сейчас сделал, преступлением?

□□□□□□□□□□□□□□□□

Благодарю маленьких ангелочков, которые отправляли мне билеты беззакония или орошали питательной жидкостью в период с 2020-11-27 22:45:33 по 2020-11-28 23:23:27!

Благодарю маленьких ангелочков, оросивших питательной жидкостью: Мо Янь Люшан, Бесплатный Маг — 10 флаконов; Нана цзай Цзетан, Цзин Чжун Хуа Шуй Чжун Юэ — 1 флакон.

Большое спасибо всем вам за вашу поддержку, я буду продолжать стараться!

Радиотехническая гимнастика

Сцена на мгновение погрузилась в неловкое молчание — по крайней мере, Го Цзыань находил ее неловкой исключительно в одностороннем порядке.

Заметив, что Го Цзыань не выказывает страха и не собирается прятаться, Бай Шаньцзюнь осторожно сделал шаг вперед. Бросив взгляд на всё так же неподвижно стоявшего и не пытающегося скрыться человека, он шагнул еще раз. Снова окинул его взглядом... Повторяя этот цикл за циклом, Бай Шаньцзюнь по сантиметру приближался к Го Цзыаню.

Го Цзыань:.....

Что за манера передвижения? До боли напоминает то, как человек, пытающийся погладить кошку, предельно осторожно подбирается к живому существу.

Расстояние между ними сокращалось шаг за шагом.

Внешне Го Цзыань казался абсолютно расслабленным, но пальцы правой руки, зажатые сбоку у бедра, уже намертво вцепились в рукоять ножа. Поверхностное безразличие служило лишь маской — на деле он полностью подготовился к контраатаке.

Бай Шаньцзюнь с предельной тщательностью, сосредоточенностью и вниманием следил за каждым движением Го Цзыаня, и стоило ему заметить на открытом предплечье парня отчетливо вздувшиеся сухожилия, как он тут же замер на месте. Этот рельеф выдавал тот факт, что рука с противоположной стороны сжата в кулак до побелевших костяшек.

Только испытывая напряжение, крайнюю настороженность или готовясь к молниеносному броску, человек напрягает мускулы и сжимает кулаки с такой силой.

Это он во всем виноват — додумался же вызвать у своей пары столь колоссальное напряжение. В груди Бай Шаньцзюня шевельнулось жгучее чувство вины.

Го Цзыань никак не ожидал, что у этого беловолосого зверолода окажется столь острая реакция.

Стоило ему чуть сильнее сжать рукоять ножа, как пушистый варвар тут же уловил его агрессивный настрой и прекратил сближение.

Что ж, этому беловолосому крупно повезло, что он вовремя остановился. Иначе Го Цзыань ни капли не сомневался, стоит ли полоснуть его разок-другой ножом, чтобы гость воочию убедился в красном цвете чужой крови.

Даже бродячие кошки на улице инстинктивно знают, что позволять себя трогать незнакомцам нельзя, поэтому Го Цзыань ни за что не поверил бы, будто этот зверолод не в курсе простых правил безопасности при встрече с незнакомым существом.

В диких условиях сближение чужаков друг с другом провоцировали всего две вещи: охота или брачный период.

Го Цзыань мысленно провел черту между своей расой и этим зверолодом, исключив всякую вероятность брачных ухаживаний, а раз так, оставалось лишь предположить охотничьи повадки. Разумеется, Го Цзыань был обязан держать ухо востро.

Между тем Бай Шаньцзюнь успел усвоить у племенного жреца немало премудростей ухаживания за дикими избранниками.

И главным, самым ключевым правилом среди них было: не проявлять излишней спешки и выдерживать безопасную дистанцию.

Те глупые самцы вечно думали лишь о том, как бы силой притащить самку в свое жилище ради продолжения рода, даже не догадываясь, что приручение самки ничем не отличается от приручения дикого ящера-динозавра — чтобы завоевать доверие, сперва требуется продемонстрировать отсутствие злых намерений.

Общеизвестно, что зверолоды-самцы превосходят самок физической силой, и когда перед хрупким существом вырастает гора подавляющей мощи, принуждающая его к тому, чего он делать не желает, как ему не бояться?

Даже если удастся сломить сопротивление грубой силой, то если самка не захочет оставаться по своей воле, рано или поздно она все равно сбежит.

Остановившись, Бай Шаньцзюнь аккуратно опустил тушу каленого гигантского кролика прямо между ними, используя этот подарок в качестве естественного разделительного барьера.

Затем он слегка вытянул вперед руки, давая понять, что этот дар предназначен исключительно для Го Цзыаня.

Подобный шаг одновременно демонстрировал его искренность и подчеркивал, что он вовсе не принадлежит к числу мерзких самцов, способных на бесчинства. Прodelав всё это, Бай Шаньцзюнь замер в ожидании реакции Го Цзыаня.

Они вновь замерли, глядя друг другу в глаза.

Безногий гигантский кролик оказался настолько огромен, что расстояние между ними, до этого казавшееся значительным, из-за туши почти испарилось. Однако, поскольку тушу положили немного в стороне и чуть ниже уровня их роста, их взгляды по-прежнему не встречали преград.

Бросив быстрый взгляд на увечного гиганта, Го Цзыань тут же перевел глаза обратно на белобрысого кошачьего мужика.

И что же означало это представление?

Зачем он притащил к его ногам мертвую тушу?

Провокация?

Подношение корма?

Улика с места преступления?

Или же... дань уважения?

Го Цзыань внимательно присмотрелся к глазам, прятавшимся под белой чёлкой — в них не было и намека на враждебность. Скорее, читалась легкая... надежда?

Неужели этот беловолосый зверолод не только не злится на него за кражу заячьей ноги, но и воспринимает его как старшего по рангу, принося в жертву добычу?

Пожалуй, подобный сценарий вполне допускался.

Это был первобытный мир. Обитатели этих мест пожирали сырое мясо, а видя, как он ловко управляет с огнем и острыми лезвиями, они вполне могли принять его за какое-то высшее, могущественное создание.

Хотя, нет. Го Цзыань тут же отмел эту мысль.

В иных мирах использование огня могло стать величайшим скачком для первобытной эпохи, однако та же зажаренная голова льва умела извергать пламя из обеих рук, что выглядело донельзя жутко. По всей видимости, этот мир обладал элементами простейшей магии.

Судя по драке двух полулюдей, они не использовали никаких особых техник или заклинаний. Значит, магия не являлась их главным оружием нападения. А раз так, Го Цзыаню не сточего было трепетать перед ними.

Беловолосый зверолод снова шевельнулся, и рука Го Цзыаня сильнее сжала рукоять ножа.

Тем не менее, вместо того чтобы приблизиться, зверолод медленно отступил назад, а затем выдал странную комбинацию из позы раскинувшего крылья руха и стойки на одной ноге.

Го Цзыань:.....

Чего добивалось это беловолосое создание?

Творит магическое заклинание?

Не имея возможности предугадать его намерения, Го Цзыань решил выжидать.

Исполнив движение птицы расправляющей крылья, беловолосый не перешел к новой атаке, как опасался Го Цзыань, а принялся ритмично хлопать руками по бокам, словно курица, бьющая крыльями.

Причем хлопал он не просто стоя на месте лицом к Го Цзыаню, но еще и перешел к выпадам с приседаниями налево, продолжая махать крыльями, затем повторил выпад вправо, откинувшись назад. В завершение он широко раскинул руки, обошел импровизированную поляну по кругу, вернулся на исходную точку и снова застыл на одной ноге, распластав воображаемые крылья.

Го Цзыань:.....

Этот зверолод... у него часом не проблемы с умственным развитием?

Абсолютно потеряв покой, Бай Шаньцзюнь изо всех сил старался исполнить брачный танец птичьего племени, искренне надеясь с помощью этих танцевальных па донести до избранника сокровенные чувства.

Язык у него был подвешен плохо, и он совершенно не умел говорить красивые, сладкие речи.

<http://bllate.org/book/19322/1890006>